

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ БЕЛИНСКОГО С К. С. АКСАКОВЫМ, В. П. БОТКИНЫМ, А. И. ГЕРЦЕНОМ, А. П. ЕФРЕМОВЫМ и М. Н. КАТКОВЫМ

Публикации К. Григорьяна, Леонида Каплана,
Н. Мордовченко и Н. Розенблюма

В разделе Эпистолярные материалы предыдущего тома «Литературного наследства» опубликовано пять не известных ранее писем из переписки Белинского: два письма самого критика (М. С. Куторге и П. Н. Кудрявцеву) и три письма к нему (Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского).

В процессе подготовки к печати настоящего тома дополнительно выявлены еще письмо Белинского (к М. Н. Каткову и А. П. Ефремову), его же шутивное «послание» к К. С. Аксакову, а также три письма к Белинскому.

Таким образом, не считая 169 писем из переписки Белинского с родными (41 письмо самого Белинского и 128 полученных им от отца, матери, братьев и членов родственной семьи Ивановых), печатающихся в следующем томе «Лит. наследства» (т. 57) в составе особой публикации, всего в разделе «Эпистолярные материалы» двух томов помещено 10 ранее не известных писем.

Редакция

БЕЛИНСКИЙ — М. Н. КАТКОВУ и А. П. ЕФРЕМОВУ

СПб<ург>, 1842, апреля 6

Письмо твое, Катков, к Краевскому очень обрадовало меня — за тебя. Ты протрезвляешься, след<овательно>, становишься человеком, с<к>оторы<м> можно быть в ладу и в каких бы то ни было отношениях людям, прежде его протрезвившимся. Ты был в Питере в полном своем опьянении, а у меня болела голова с похмелья. Питер — спасибо ему! — протрезвил меня от московской дури и «спьяных надежд»... Я уже никому не друг, и мне никто не друг; но я многим добрый приятель, и мне многие — добрые приятели. Я ни на кого не наваливаюсь с своею дружбою — и меня зато никто не душит ею, бог с нею. Но об этом — после. Был я недавно в Москве — преглупый город! Стыдно вспомнить, чем я там был! Там все гении, и нет людей; все идеалисты, и нет к чему-нибудь годных деятелей. Вид Москвы произвел на меня странное действие: ее безобразие измучило меня, и, по возвращении в Питер, красота его мощно охватила мою душу. Через 4 года мы будем ездить в Москву по же л е з н о й. В Питере об этом все толкуют — ибо в нем всех это интересует; в Москве никто не говорит, ибо железная дорога — факт, а не фраза; если ж говорят — то весьма глупо. Москва гниет в патриархальности, пиэтизме и азиатизме. Там мысль — грех, а предание — спасенье. Там все Шевыревы. Исключение остается слишком за немногими людьми.

В Москве я попал на похороны — Александры Михайловны Щепкиной. Бедная — ей так хотелось жить, так не хотелось умирать; а умерла!.. И мы все умрем; но в утешение положим с собою лекции Шеллинга об откровении, глубже ты ничего не знаешь, хотя и знаешь Гегеля...

Рад я, что ты скоро приедешь — рад и тем, что увижу тебя таким, каким всегда желал видеть, и каким никогда не видел — трезвым, рад и тем, что ты будешь работать в О〈течественных〉 З〈аписках〉, чрез что я буду иметь время отдыха от чтения произведений российской словесности. Приезжай скорее. Брось этих немцев — чорт с ними. Я с некоторого времени их не совсем жалею. Они большие философы, абсолют им ни почем; но все в чинах и филистеры.

Прощай. Пиши, все тебе кланяются.

Твой

Белинский

А ты, о Ефремов! скоро ли вернешься? Хотелось бы мне узреть тебя лицом к лицу, и поругать при тебе немцев, философию и гофратство. Говорят, и ты «сбился с пути и пошел в драконы», т. е. учишь с я ф и л о с о ф и и, ты, созданный быть практическим философом! Отпусти тебе, боже, этот грех! Жрешь ли ты устриц? Я недавно съел больших 56 — слов〈н〉о только шесть. Как подешевеют — рискну на сотню. Вообще мы теперь стали попроще и больше едим, пьем и прочее, чем говорим о чувствах и идеях. Может быть, от этого сильнее кое-что чувствуем и лучше понимаем. Кланяйся отцу всех русских любомудров, Бакунину. Был я недавно в Торжке, и провел у Бак〈униных〉 два или три очень приятных дня. Но вот тебе горькое о них известие: Т〈атьяна〉 А〈лександровна〉 — о п а с н а — говорят ч а х о т к а. Ничего — все умрем; один позже, другой раньше; негодяи, подлецы и глупцы всех позже, и притом в чинах и с деньгами. Что В. А. Д〈ьякова〉? Николай Б〈акунин〉 говорил мне, что осенью она вернется в «дражайшее» отечество к «дражайшим родителям». Жаль мне ее, но и оставаться дольше ей нельзя же. Ах, если б и ты, милый Ефремов! Как бы я рад был увидеть тебя! Я уверен, что ты стал бы жить в Питере, куда и Боткин норовит переселиться из пиэтической Москвы. Нет ли слухов о некоем П а в л е З а к и н е? Да вообще писни хоть несколько строк искренно любящему тебя

Белинскому

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Шифр: 4741. XXIV б. 128.

Автограф был подарен сестрой Некрасова, А. А. Буткевич, А. Ф. Кони, а последним передан служившему под его начальством Василию Андреевичу Белинскому. После смерти В. А. Белинского, в 1900 г., автограф снова перешел к А. Ф. Кони и хранился у него, пока тот 5 марта 1906 г. не препроводил его акад. Н. А. Котляревскому для архива Пушкинского Дома (см. препроводительную записку А. Ф. Кони к Н. А. Котляревскому от 5 марта 1906 г.).

Письмо Белинского является ответом на письмо М. Н. Каткова к А. А. Краевскому из Берлина от 30 марта 1842 г. (выдержки из письма Каткова и пересказ его содержания см.: С. Н е в е д е н с к и й. Катков и его время. СПб., 1888, стр. 88—90; подлинник письма хранится в Гос. публичной библиотеке в Ленинграде, арх. Краевского, т. «Д — К», лл. 501—502). «Краевский получил письмо от Каткова, — сообщал Белинский В. П. Боткину 4 апреля 1842 г. — Забулдыжный наш юноша отрезвляется и начинает говорить человеческим языком. Я, говорит, поехал с пьяными надеждами. Просит у Краевского помощи до августа, в половине которого хочет вернуться в Питер и заработать помощь» («Письма», II, 294). В письме к В. П. Боткину от 13 апреля 1842 г. Белинский снова упоминал о письме Каткова к Краевскому: «Катков писал

БЕЛИНСКИЙ

Автолитография К. А. Горбунова, 1843 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

к нему, что он не знает ничего более глубокого, как лекции Шеллинга об откровении: Краевский нетерпеливо хочет получить понятие о содержании этих лекций...» («Письма», II, 302). В письме к тому же Боткину от 20 апреля 1842 г. Белинский еще раз иронически упомянул об увлечении Каткова немецкой идеалистической философией и мистическим натурализмом. «Катков явно принадлежит к берлинской философской школе: лекции Шеллинга об откровении кажутся ему глубже всего, что только есть на свете» («Письма», II, 306).

М. Н. Катков, уехавший из Петербурга за границу осенью 1840 г., поддерживал переписку с редакцией «Отеч. записок», где он сотрудничал до отъезда, и пользовался от времени до времени материальной помощью Краевского. В зимний семестр 1841/1842 г. Катков слушал лекции престарелого Шеллинга, который был вызван прусскими реакционерами в Берлин для борьбы с атеизмом и революционными идеями младогегельянцев. Увлеченный шеллингианской «философией откровения», Катков, в письме к Краевскому, предлагал написать для «Отеч. записок» статью о Шеллинге на основе личных записей его лекций. Тяготение Каткова к философской и политической реакции вызывало возмущение со стороны Белинского и предвещало полный разрыв их отношений в недалеком будущем, чем и объясняется иронический тон публикуемого письма.

Содержащаяся в письме характеристика «Москвы» имеет в виду лишь определенные враждебные Белинскому течения в московской идейно-политической и литературно-общественной жизни того времени. Для понимания этих метонимических строк следует помнить, что письмо к Каткову было написано Белинским вскоре после его поездки в Москву, под свежим впечатлением начатой борьбы с реакционно-охранительным направлением «Москвитянина». В февральской книжке «Отеч. записок» 1842 г. был опубликован нашумевший памфлет Белинского «Педант», разоблачавший одного из вдохновителей отечественной реакции — С. П. Шевырева и тем самым всю возглавлявшуюся им и М. П. Погодиным «московскую» группу.

А. М. Щепкина, о смерти которой Белинский сообщал Каткову, — дочь знаменитого актера М. С. Щепкина и приятельница Белинского. Ею одно время увлекались и Катков и сам Белинский (см. в настоящем томе, стр. 90—91 и 123—124).

Несмотря на то, что предложение Каткова написать статью для «Отеч. записок» редактором журнала было принято и Катков получил от Краевского просимую им денежную помощь, — с написанием статьи он долго медлил, опасаясь затруднений цензурного характера. Об этом он сообщал Краевскому в письме от 29 июня 1842 г., в котором, между прочим, просил передать благодарность Белинскому за его письмо. Письмо Белинского Катков характеризовал как «маленькое и очень миленькое рассужденьице на тему: все люди смертны, мы — люди, ergo мы смертны».

Еще до предложения Каткова — написать статью, на страницах «Отеч. записок» было опубликовано изложение первой лекции Шеллинга в Берлине 15 ноября 1841 г. («Отеч. записки», 1842, т. XX, «Смесь», стр. 65—70), а затем появилось и извещение об окончании этих лекций. Явно имея в виду обещанную Катковым статью для журнала, редактор «Отеч. записок» заявлял: «Мы надеемся сообщить читателям обстоятельнейшее известие о духе и содержании лекций Шеллинга, обещанное нам нашим берлинским корреспондентом, постоянно посещавшим эти лекции в продолжении всего семестра» («Отеч. записки», 1842, т. XXII, отд. VII, «Смесь», стр. 38—39).

Представил ли Катков в «Отеч. записки» обещанную им статью, остается неизвестным. Во всяком случае опубликована она не была, и вообще сотрудничество Каткова в журнале Краевского не возобновилось. Видимо, под влиянием Белинского, резко выступавшего против «жалкого, заживо умершего романтика Шеллинга», Краевский отказался от мысли популяризировать в своем журнале реакционную «философию откровения». Вместо обещанной читателям статьи «о духе и содержании лекций Шеллинга» в первой книжке «Отеч. записок» 1843 г. была напечатана статья В. П. Боткина «Германская литература» (т. XXVI, отд. VII, стр. 1—15), представлявшая собой сокращенный перевод (без указания источника) знаменитой брошюры Энгельса 1842 г. «Шеллинг и откровение». Экземпляр этой брошюры, в которой.

философия Шеллинга была подвергнута уничтожающей критике, был привезен в Россию кн. В. Ф. Одоевским. Так в поле зрения Белинского и его друзей впервые попало раннее произведение одного из основоположников научного социализма. Белинский с большим сочувствием отнесся к статье Боткина («Письма», II, 334), поскольку его собственное отношение к «философии откровения» было близко мыслям Энгельса о глубокой реакционности этой философии, об органической враждебности ее материализму и революционным идеям.

Когда Катков, ставший на путь защиты философской и политической реакции, в конце 1842 г. возвратился из Берлина в Петербург, стало ясно, что его отношение к Белинским окончательно порваны. «Каткова ты видел, — писал Белинский Боткину 6 февраля 1843 г., — я тоже видел. Знатный субъект для психологических наблюдений! Это Хлестаков в немецком вкусе. Я теперь понял, отчего во время самого разгара моей мнимой к нему дружбы меня дико поражали его зеленые стеклянные глаза<...> Этот человек не изменился, а только стал самим собою» («Письма», II, 335). Столь же гневно-иронический характер носит и другое упоминание Белинского о Каткове в письме к Боткину от 9 марта 1843 г.: «Знаю, что гениальный пшик тебя восхищает, сильно действуя на твой обонятельный орган. Истинный шеллингист — юноша пшиц, сиречь дутик, говоря словами Третьяковского» («Письма», II, 353).

Приписка в письме Белинского адресована Александру Павловичу Ефремову (1815—1876), одному из ближайших друзей Белинского, Станкевича и семьи Бакуниных. А. П. Ефремов сопровождал Станкевича за границей, а после его смерти, свидетелем которой он был, занимался изучением философии в Берлине и поддерживал общение с Катковым. Об А. П. Ефремове и сестре М. А. Бакунина, В. А. Дьяковой, разошедшейся с мужем и отправившейся вслед за большим Станкевичем за границу, — см. письма Ефремова к Белинскому 1840—1841 гг. в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», под ред. Н. Л. Бродского, М., 1948, стр. 48—53, а также в наст. томе стр. 104—106. О Татьяне Александровне, сестре М. А. Бакунина, а также о их брате Николае Александровиче, см. в книге А. А. Корнилова «Годы странствий Михаила Бакунина», М.—Л., 1925. Павел Федорович Заикин — петербургский приятель Белинского; (см. его письма к Белинскому 1840—1846 гг. в цит. сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 53—63).

К. Григорьян и Н. Мордовченко

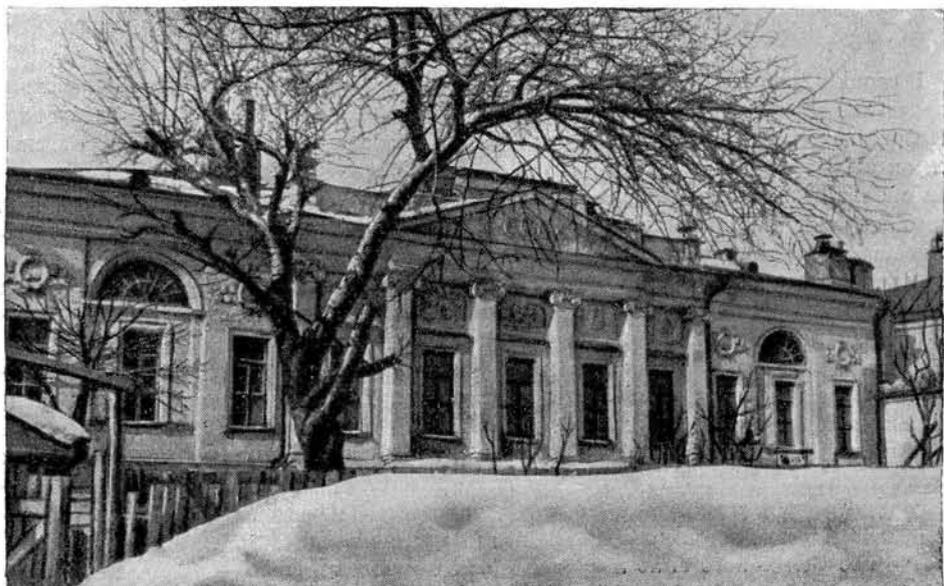
А. И. ГЕРЦЕН — БЕЛИНСКОМУ

<Москва. Май 1842 г.>

Господь ведаёт откуда открыл Шепелявый личные виды у Максимилиана Петровича, — о котором я совершенно разделяю твое мнение. Как, человек, лишенный всех внешних, материальных пособий, с жалкой наружностью, без дара красноречия, которым так роскошно блестела Жиронда, торжествует над колоссами, вооружает против себя все партии, держит на себе судьбы Франции, всю [дело] революцию, павшую тотчас с его падением. И как будто S. Just, которому Шепелявый отдаёт полную справедливость, подчинился бы кошельку? И как будто Карно и прочие даровитые горцы не остались после казни его — и все-таки не были поглощены гнусной директорией? Врет Шепелявый! Максимилиан один истинно великий человек революции, все прочие необходимые блестящие явления ее и только. Может быть в этом случае я вдаюсь точно по-твоему в величайшую крайность; но что делать, это не минутное увлечение, а убеждение глубокое!

Автограф. ГИМ. Фонд Т. Н. Грановского № 345, ед. хр. 1, л. 3.

Публикуемое письмо А. И. Герцена написано между строк известного (недатированного) письма Т. Н. Грановского к Белинскому, напечатанного в кн. «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 439—440. До сих пор было известно только одно письмо Герцена к Белинскому (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 469).

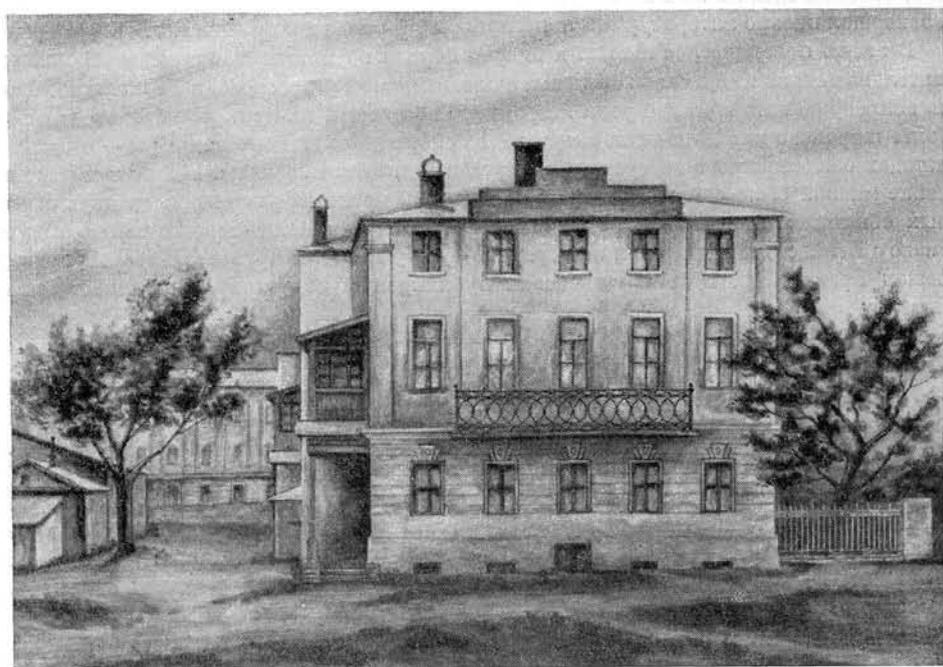

ДОМ В ПЕТРОВЕРИГСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БОТКИНЫМ
(Фасад)

Фотография 1945 г.

Белинский постоянно бывал здесь у В. П. Боткина и жил у него в сентябре — октябре 1839 г.
Здесь же он останавливался, приезжая в Москву в 1841 и 1843 гг.

Собрание М. Ю. Барановской, Москва

ДОМ В ПЕТРОВЕРИГСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ БОТКИНЫМ
(Вид со двора)

Акварель Б. С. Земенкова, 1948 г.

«... Мне надо было нанять какую-нибудь комнатку и жить скромно до отъезда в Питер...
Боткин помог, предложил у себя комнату...» (из письма Белинского к Н. В. Станкевичу
от 2 октября 1839 г.)

Собрание художника, Москва

В своих воспоминаниях И. И. Панаев описывает, как в 1841—1842 гг. Белинский, охваченный интересом к событиям Французской революции 1789 г., с увлечением слушал чтение речей жирондистов и монтаньяров, переводившихся Панаевым. «Маслов <...> и некоторые другие сделались отчаянными Жирондистами, — пишет Панаев. — Мы с Белинским отстаивали Монтаньяров. Чтение оканчивалось обыкновенно жаркими спорами. Надобно было видеть в эти минуты Белинского! Вся его благородная, пламенная фигура проявлялась тут во всем блеске, во всей ее красоте, со всею своею бесконечною искренностью, со всей своей страшной энергией, приводившей иногда в трепет слабеньких поклонников Жиронды» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., «Academia», 1928, стр. 393).

Протестуя против клеветнических нападок на Робеспьера и заявляя о своем согласии с методами революционного насилия, проводившегося вождем монтаньяров в эпоху «якобинской диктатуры», Белинский писал В. П. Боткину в апреле 1842 г.: «Дело ясно, что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор, и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснородушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» («Письма», II, 305).

Письмо Белинского было показано Боткиным Грановскому — «Шепелявому», как навывали его друзья за свойственный ему недостаток речи. Грановский, чье мирозерцание не выходило за пределы умеренного либерализма, вступил в полемику с Белинским. Будучи решительно враждебен идеям революции, революционного насилия, Грановский писал Белинскому: «Тебе нравится личность Робеспьера потому, что он удовлетворяет дедами своими твоей ненависти к аристократам...» Далее Грановский повторял измышления контрреволюционного лагеря о якобы узколичных, эгоистических побуждениях в революционной деятельности вождя монтаньяров («Но боже мой, сколько мелких личных побуждений вмешивается в общие виды Робеспьера...») и завершал письмо литературным панегириком Жиронде и жирондистам.

В это-то полемическое письмо и вписал Герцен опубликованные выше строки, решительно заявив ими о своем согласии с позицією не Грановского, а Белинского. Спор по вопросу об исторической роли Жиронды, Робеспьера, монтаньяров был отражением более широкого и политически актуального спора по основному вопросу — о путях и методах общественного переустройства русской действительности. Возникшее расхождение мнений было одним из многих проявлений процесса размежевания двух основных общественных сил в классовой борьбе эпохи — революционных демократов во главе с Белинским и Герценом и дворянско-буржуазных либералов, к которым принадлежал Грановский. В этом отношении публикуемый документ представляет живой интерес.

Леонид Каплан

В. П. БОТКИН — <БЕЛИНСКОМУ?>

<4>

<Москва. Начало 1838 г.?>

Нельзя ли тебе с Мишеlem <Бакуниным> приехать ко мне обедать? Думаю, что можно. А я теперь чувствую блаженство жизни и с каким наслаждением смотрел вчера на свет солнечный. — Я написал к Полевому письмо. Прилагаю его тебе. Скажи свое мнение. Я хочу послать ему нынче вместе с Бетиной.

В. Б<откин>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 11, д. 8, л. 1).

Судя по упоминанию о «Бетине», т. е. о книге Е. фон-Арним (Бетини) «Tagebücher», перевод которой собирался издать со своим предисловием М. А. Бакунин, публикуемое письмо В. П. Боткина относится к началу 1838 г. Как раз в это время и начались усиленные «хлопоты о Бетине», на которые Бакунин ссылается в письме к своим сестрам, принимавшим участие в переводе книги (см. М. А. Бакунин, Соч. и письма, т. I, стр. 154).

По всей вероятности, не дошедшее до нас обращение В. П. Боткина к Н. А. Полевому было связано с попыткой издать книгу «Бетины» в Петербурге при содействии Полевого, весьма компетентного участника многих издательских предприятий. В своем письме к В. П. Боткину от 20 марта 1838 г. Н. А. Полевой сообщил о получении им двух писем Боткина — «сердитого» и «мирного», несомненно под одним из них имея в виду и то, о котором идет речь в публикуемой записке (см. «Звенья», № 3—4, М., 1936, стр. 881—882).

Именно в это время (до конца марта 1838 г.) Белинский жил на одной квартире с Бакуниным. Это обстоятельство, равно как и самый характер письма, дают возможность почти безошибочно определить, что оно было адресовано Белинскому.

<2>

<Нижний-Новгород, 2 августа 1838 г.>

Неизвестность о Премухине тяготит меня — и так, что совершенно убивает другие интересы. Что Лангер? Приехал ли наконец? Видел ли ты его? Пиши мне, пиши с первой почтой. И от Мишеля неужели ни строчки? Пошли в почтамт узнать, когда из Москвы отходит экстр-почта в Нижний, и с первой пиши ко мне, хоть две строчки. Я просто мучаюсь. Адрес мой: В. П. Боткину, в Нижегородской ярмарке.

В. Боткин

2 августа 1838

Нижегородская ярмарка

Тяжелое мучительное состояние!

Боже, неужели она умерла!

Рукою Белинского:

Получил ответ на это письмо мое и твое, которое я приложил при своем, он успокоился.

Перешли мне назад эту записку.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, д. 23, л. 58).

Внезапное обострение болезни Любови Александровны Бакуниной (1811—1838) сильно встревожило Белинского и его друзей. Оставив на произвол судьбы редактировавшийся им журнал, Белинский поспешил в Премухино. Туда же приехал и общий любимец кружка, музыкант Л. Ф. Лангер. 15 июля Белинский уже возвратился в Москву.

Ответ его Боткину, в котором Белинский успокаивал своего корреспондента насчет положения с Бакуниной, до нас не дошел, равно как и письмо «Мишеля» Бакунина к Белинскому, упоминаемое в приписке.

Повидимому, приписка была сделана Белинским сразу же по получении им письма Боткина, т. е. еще до того, как он узнал о смерти Л. А. Бакуниной, скончавшейся 6 августа 1838 г. Приписка Белинского доказывает, что именно он был адресатом этого письма.

Н. Розенблюм

СТИХОТВОРНОЕ «ПОСЛАНИЕ» БЕЛИНСКОГО К. С. АКСАКОВУ

<Москва. Весна — лето 1839 г.>

О Константин вероломный, коварный друзей забыватель!
Зевса молю: да Кронион, могучий перунов метатель,
Молний браздами тучное тело твое избичует!
И владычицу Геру молю: да камнем тяжелым

В жирную выю тебя поразит, как скотину Арея,
 Коему столько подобен скотскою силою дурацкой,
 Тела слоновьей посадкой и разума скудную долей!
 Муж прообразный* и лживый, меня ты забвению предал,
 Светлопространный мой дом, что создал мне Гефест-небожитель,
 Сын Геры богини, хромоногий художник великий —
 Дом мой забыл ты, гордящийся силой телесною смертный!
 Что за причина забвению сему — поведай ты мне без медленья!

12

О Континитиве аористическом, хвалю твой духом забвения!
 Веса мило: во Христовом, иерийм перуном ментем,
 Милый бродячий турме твоем так же излученью!
 И Аладисичу Геру мило: во камелье твоем
 Ты аурису алы тебе поручать, как скотину Арея,
 Коему столько подобен скотскою силою дурацкой,
 Тела слоновьей посадкой и разума скудную долей!
 И турму пелю ружью^(*) и аладисич, ментем забвения излученью,
 Светлопространный мой дом, что создал мне Гефест-небожитель,
 Сын Геры богини, хромоногий художник великий —
 Дом мой забыл ты, гордящийся силой телесною смертный!
 Это же причина забвения сему — поведай ты мне без медленья!

Древнего старца Омара днесь я чту^(**) — и, мне, благодарный,
 Оный божественный старец гекзаметр — дар сребролукого Феба,
 Мне завещал — и оным пыдулку к тебе написал я,
 Ждущий ответа, а паче тебя самого, о нескладный!
 Новостей много поведать тебе я имею...

^(*) Турму — суккин сын.
^(**) Камелье, т. е. двоякое — читаю и почитаю.

АВТОГРАФ ШУТОЧНОГО СТИХОТВОРНОГО «ПОСЛАНИЯ» БЕЛИНСКОГО
 К С. АКСАКОВУ, ВЕСНА — ЛЕТО 1839 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Древнего старца Омара днесь я чту** — и, мне, благодарный,
 Оный божественный старец гекзаметр — дар сребролукого Феба,
 Мне завещал — и оным пыдулку к тебе написал я,
 Ждущий ответа, а паче тебя самого, о нескладный!
 Новостей много поведать тебе я имею...

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 18, лл. 11—12).

Шуточное послание Белинского, обнаруженное нами среди черновых бумаг в семейном архиве Аксаковых, можно почти безошибочно датировать весной — летом 1839 г., т. е. промежутком между возвращением К. С. Аксакова из-за границы в декабре 1838 г. и переездом Белинского в Петербург в октябре 1839 г. В этот последний год жизни в Москве Белинский особенно страстно увлекался Гомером. «Илиада»,

* По-русски — суккин сын. — Прим. Белинского.

** Камелье, т. е. двоякое — читаю и почитаю. — Прим. Белинского.

переведенная Гнедичем, — писал Белинский Н. В. Станкевичу 19 апреля 1839 г., — для меня... источник такого наслаждения, от силы которого я иногда изнемогаю в каком-то сладостном мучении. О греках (разумеется, древних) не могу думать без слез на глазах» («Письма», I, 318, ср. также I, 335). Это увлечение явственно сказалось и на характере публикуемого нами «послания», в котором Белинский специально отмечает, что «читает и почитает» старца Омира (Гомера). Дружески-шутливый тон «послания» также свидетельствует о верности предлагаемой нами датировки, так как весна — лето 1839 г. — время наибольшей близости Белинского с К. С. Аксаковым («Письма», I, 333). Окончательный разрыв Белинского с Аксаковым, вызванный глубокими идейными расхождениями, наступил несколько позднее.

Н. Розенблюм